

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ МАЛАЙЗИИ АНВАР РИДВАН

В.А. ПОГАДАЕВ

11 августа 2009 г. Малайзия узнала имя нового Национального писателя¹. Им стал Анвар Ридван, автор многочисленных повестей и рассказов, лауреат четырех национальных премий, Литературной премии Юго-Восточной Азии (2002), а также премии Мастера, присуждаемой международным жюри Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Анвар Ридван родился 5 августа 1949 г. в Сабак-Бернаме (штат Селангор). Он был младшим из шести детей. Отец занимался фермерским хозяйством, а мать работала акушеркой. В 1973 г. будущий писатель окончил Университет Малайи, в 1983 г. получил звание магистра, а в 1998 - доктора наук в том же университете. В 1986 г. обучался в рамках Международной писательской программы в университете Айовы (США). В 1997-2000 гг. преподавал малайский язык в Университете иностранных языков в Токио, в 2001-2005 гг. работал в Совете по языку и литературе Малайзии заместителем генерального директора. Сейчас он декан литературного факультета Академии искусств и национального наследия.

Среди работ, получивших высокую оценку в Малайзии и за рубежом, повести «Последние дни художника» (1979), «Поток» (1985), «Последнее путешествие» (1971), «Мир - это всего лишь одна квартира» (1973), «Из Киева в Москву» (1992), «Были и небыли островов Огоното» (2001, рус. пер. 2006), ряд рассказов, в том числе предлагаемый читателю рассказ «**После войны**».

Произведения писателя полны социального звучания, затрагивают самые насущные проблемы современной Малайзии. К тому же написаны они образным языком. Это позволило некоторым литературным критикам утверждать, что и форма, и содержание произведений писателя вполне отвечают критериям присуждения Нобелевской премии². От-

Анвар Ридван

дельные работы писателя переведены на английский, арабский, венгерский, итальянский, китайский, немецкий, русский, французский языки.

Действие рассказа «После войны» происходит в малайской деревне уже после четырехлетнего периода японской оккупации (1942-1945), но воспоминания о войне не уходят в прошлое и постоянно напоминают о себе героине рассказа. Анвар Ридван умело соединяет в рассказе традиционный мотив семейной тайны с модернистской техникой письма - методом «потока сознания», когда причудливо переплетаются воспоминания, ассоциации и переживания, временные границы повествования размыты и действие плавно перетекает из одной эпохи в другую.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ РАССКАЗ

АНВАР РИДВАН

(Малайзия)

Масита только что закончила купание у колодца. Она быстро сдернула полотенце, висевшее на бельевом шесте, и стала энергично растираться. Вытирая ноги, она заметила, что заря уже близко. Но в деревне было спокойно и тихо, и она была уверена, что ее обитатели все еще по-

гружены в свои сны. Ветки деревьев, выстроившихся в ряд возле колодца, чуть дрожали под порывом прохладного утреннего ветра.

Крики петухов и щебетание птиц

становились все громче. Масита посмотрела на восток - сквозь ветки нанги и листву саво - и увидела красную полоску неба. Зачерпнув в кувшин воды, чтобы обмыть ноги, она пошла домой. Но остановилась через несколько шагов. В утренней дымке Масита увидела силуэт мужчины, идущего к колодцу.

Сотня шагов от колодца до ее дома - не такое уж большое расстояние. Но за последние двадцать лет оно неизменно внушало ей тревогу, как будто здесь ее поджидало что-то страшное.

С бьющимся сердцем она ждала приближения мужчины. Масита знала только одно средство защиты в случае, если он попытается обидеть ее: крик. Достаточно громкий, чтобы разбудить всю деревню. Крик, за которым помощь должна последовать немедленно.

- Ты закончила, мама?

Масита с облегчением перевела дыхание. Она хорошо расслышала вопрос. Это спрашивал Джали, ее единственный сын. Его вопрос рассеял все ее страхи в это прохладное утро.

- Да, - ответила Масита. (Она сама не понимала, почему так отрывисто отвечала своему единственному сыну в такой хороший утренний час.)

Масита тихо постояла еще немного, пока не услышала плеск воды у колодца. Джали начал обливаться. Тяжело ступая, Масита медленно направилась к дому. Она низко опустила голову, вспоминая некое событие...

- Боже, спасибо наши дома и деревню, - так Масита начала свою молитву, когда услышала над головой гул самолетов, летевших на юг.

Масита посмотрела вверх и увидела сквозь утреннюю дымку вереницу самолетов, очень похожих на журавлей. Самолеты направлялись в Сингапур (так говорили ей соседи).

- Если войне суждено длиться и дальше, пусть не коснется она моего мужа, - продолжала свою молитву Масита. - Я замужем всего месяц. Дай мне послужить своему супругу и вместе с ним создать семью, счастливую и не тронутую военной бедой.

Плеск воды у колодца прекратился. Однако Масита знала, что он повторится - муж ведь еще не встал. Тем временем "журавли" в небе постепенно удалялись, и гул становился все тише. Масита чувствовала, что обсохла почти вся, кроме волос. Когда она направилась к дому, перед ней стоял незнакомый человек.

Масита хотела закричать, но мужчина зажал ей рот. Она не знала, как долго пробыл с ней мужчина, не помнила, когда он внезапно исчез. Она увидела только, что во-

да из выпавшего из ее рук кувшина пролилась и смешалась с росой на траве.

Возле лестницы Масита вымыла ноги. Она тщательно терла их, поливая водой из кувшина.

Убедившись, что отмыла обе ноги от земли и грязи, Масита поставила кувшин возле лестницы. Она повернулась в сторону восходящего солнца. Там, на восточной половине неба, было видно, как предрассветная дымка медленно тает перед набирающим силу солнцем. На востоке деревня уже купалась в солнечном свете.

Масита поднялась по лестнице и сразу направилась в спальню. Будин, ее муж, уже встал и одевался.

- Кто у колодца?

- Джали.

- Полагается мне там быть после тебя, Масита.

- Ладно и так, - тихо сказала Масита. - Сегодня у него особый день.

Будин промолчал. Он долго смотрел на нее. (Странное чувство охватило его, как будто в этот день ему предстояло что-то потерять.) Затем очень медленно стал затягивать саронг. Он взял полотенце, которым уже вытерлась Масита, и перебросил его через плечо. Медленно подошел к окну и осторожно распахнул его. Солнечный свет разлился по комнате, прогнав тьму.

Масита слышала, как Суми и Салми готовят завтрак на кухне. Они так оживленно болтали, что Масита едва могла разобрать, о чем их разговор. "Сейчас они уже большие девочки, - подумала она. - Скоро к ним начнут свататься, и они выйдут замуж. Мужья заберут их неизвестно куда. Смогут ли они тогда часто навещать родителей? А если Будин и я заболеем, когда они будут далеко со своими мужьями? Кто присмотрит за нами и позаботится о нас?" - подумала Масита.

Попудрившись тальком и надев нижнее белье, Масита вынула из шкафа батиковый *саронг* с большими красными цветами на черном фоне. Она обернулась в него, тщательно разгладив складки. Затем достала красную кофту - *кебаю* и надела ее. Масита подошла к туалетному столику, села перед ним и начала расчесывать волосы.

- Мас, я хочу сына, - так начал Будин. Эти слова она как будто

слышала сейчас. Слова, которые Будин прошептал ей в первую ночь, когда они лежали вместе на супружеском ложе. При этом в голосе Будина Масите послышалась дрожь. Голос такой застенчивый, такой нежный.

- Сына? Почему не дочь? - поддразнила Масита.

Будин в конце концов ответил, хотя и потребовалось ему на это много времени.

- Идет война. Но Богу было угодно, чтобы мы встретились с тобой в это время. И мы не знаем, когда кончится война. Если что-то случится с нами сейчас (пусть ангел-хранитель уберезет нас от несчастий), сын может позаботиться о семье лучше, чем дочь. А если эта война затянется (не допусти этого, Господи!), скажем, на десять, двадцать или даже на сто лет, он сумеет защитить нашу страну или, по крайней мере, нашу деревню.

Будин не мог понять, почему он объясняет это так длинно. Он чувствовал потребность ничего не скрывать от Маситы, сказал ей все, что было на душе.

- Не надо, не говори мне о войне. Я боюсь, - голос Маситы был полон нежности. Она спрятала все свои страхи в объятиях Будина. Он крепко прижал ее к себе и испытывал странное, лихорадочное чувство. Масита была спокойна. В объятиях мужа она чувствовала себя в полной безопасности от войны.

Момент, которого Будин ждал, наконец-то наступил. Это было через три месяца после свадьбы. После того, как Масита увидела "журавлей", летящих вереницей к южному острову. И после того, как... Но Масита боялась рассказать об этом Будину. Однако она должна была объяснить ему, почему по утрам ее стало тошнить.

- Я жду ребенка, любимый.

- Что? - воскликнул Будин. Он сбросил полотенце с плеча и подошел к Масите, которая все еще сидела перед своим зеркалом. Солнечный свет яростно бил в окно, согревая комнату. Масита испугалась, что Будин так близко подошел. Она боялась, что выдала свои воспоминания о прошлом. Она была уверена, что и в самом деле так получилось.

- Ты опять ждешь ребенка, Мас?

Масита некоторое время помолчала. Наконец ответила:

- Ах, пустое. Если бы я чем-ни-

будь не удивила тебя, ты бы так толком и не проснулся. Иди к колдцу. Уже поздно. Джали, кажется, уже закончил купаться.

Будин громко вздохнул.

- Я люблю, когда ты шутишь, Мас. Это у тебя здорово получается. Вот почему мне никогда не бывает с тобой скучно,- сказал Будин. Он наклонился, потрепал ее по спине и вышел из комнаты.

Масита встала, стряхнула простыню и аккуратно сложила ее. Она положила три подушки к окну, чтобы проветрить их на солнце. Из шкафа достала покрывало, которым застилала постель днем.

Суми и Салми все еще были на кухне. Суми, которая резала огурцы, крикнула Салми, что чайник вскипел. Масита слышала крик и громкий ответ Салми. Но скоро голоса затихли. Масита подумала, что это из-за того, что появился Джали. Тишина была резкой, но все равно приятной. Через несколько минут гам возобновился, и на этот раз в нем слышался голос Джали. "Как дружны сестры с братом", - подумала Масита. Любовь, которая порождает веселье. Нежность, которая прорывается в смехе. Масита слышала все из своей комнаты. Слышала не только то, как галдели на кухне, но и стук собственного сердца.

- Ты любишь его больше, чем нас, - заявила Суми за себя и за сестру.

- Потому что он светлее нас, да? - вступила в разговор Салми.

- Ах, опять вы об этом, - возразил им Будин. - Ну почему вы считаете, что я отношусь к вам хуже? И вы, и Джали - мои дети, которых и я, и мама любим одинаково. Слышите? Одинаково. Как мы можем относиться к вам по-разному?

Масита только покачала головой. Ни Суми, ни Салми не могли ничего возразить против доводов отца. Но Суми всегда заговаривала на эту тему, которая больно задевала Маситу.

- Прости, папа. Мы просто сомневались. Но кожа у Джали действительно не такая, как у нас. Это не цвет спелого сава.

- Хватит, хватит! - укорял их Будин. - Тебе, Суми, надо обязательно всех переспорить. Он - мальчик, и неудивительно, что его кожа может отличаться от вашей. Ты слышишь, ничего удивительного! После этих слов Будина Суми и Салми замолчали.

И в доме воцарилась тишина.

Масита больше не слышала на кухне никаких звуков. Возможно, троица ломала голову над решением какой-нибудь проблемы.

Волнение снова охватило ее, когда Будин вернулся в комнату после купания. Масита сидела в кресле, погруженная в думы.

Будин откашлялся.

- Помылся?

- Да.

Масита встала и подошла к шкафу. Она открыла дверцу, вынула оттуда трусы, майку, черные брюки и белую рубашку Будина, положила все это на кровать. Закрыв шкаф, она сказала:

- Я достала твою одежду. Приходи завтракать, когда будешь готов. Мы будем ждать тебя за столом.

Будин лишь кивнул. Масита вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь. Аппетитный запах еды приятно щекотал ноздри.

Масита направлялась на кухню, но в руке у нее почему-то оказался веник. Она стала подметать комнату. До ее слуха доносился разговор между тремя детьми. Но только голос Джали пронзал ее сердце.

Глубокий и звучный голос, который уводил ее мысли к одному необычному происшествию. Это был голос, который однажды произнес нежно, печально и умоляюще:

- Мама, прости меня, но я должен сказать тебе правду.

Масите вновь слышались слова, сказанные тогда юным Джали.

- Говори. Почему ты дрожишь, сынок? Сам Господь Бог устроил так, что матери отвечают за своих детей и должны указывать им правильный путь. Я никогда не отказывалась выслушать тебя, верно же?

- А ты выдержишь правду, которую я скажу? И pomoжешь мне поправить дело?

- Что такое? Скажи мне, пока не поздно.

- Мама, я... чуть было не насильничал Хатиджу...

- Ты такой же, как... - осыпала упреками сына Масита. Или она так подумала. На самом деле только слезы выступили на глазах, а сама она оставалась безмолвной. Теплые слезы, которые принесли новое чувство боли. Масита вспомнила, как после признания сына она бросилась искать мать Хатиджи. Она отдалась ей на милость, рассказала все, что случилось, и без конца просила о прощении.

Масита. Это все, что она могла сделать.

К счастью, мать Хатиджи быстро разобралась в ситуации. Правда, вначале она сгоряча набросилась на Маситу с руганью (так случилось, что в доме они были одни), но постепенно успокоилась, ибо осознала необходимость запрячь поглубже в сердце тягостное известие, которое может запятнать честь семьи. Всю историю следовало замять и замолить общими молитвами в надежде, что вскоре все забудется. Только после того, как Масита вдоволь наплакалась, мать Хатиджи согласилась, что неприятный инцидент должен остаться семейной тайной.

Через несколько месяцев после этого случая, когда Джали успокоился, убедившись, что его черная тайна осталась в семье, Масита попыталась прощупать его чувства к Хатидже. Если он едва не надругался над ней, ему следует нести ответ за содеянное. Деревенские девушки должны сохранять свою невинность. Мужчина, который тронет ее, должен уважать ее, оберегать ее честь. Сельские обычаи изменились мало. Но каждый раз, когда Масита пыталась заговорить об этом, Джали либо уклонялся от ответа, либо, если его принуждали к признанию, прятал свои чувства, рассказывая ей разные истории.

- Что за история? - однажды спросила его Масита.

- Это из романа, мама. Но почему мне нравятся только романы про любовь, мама?

- Ну, книгами по электронике ты тоже интересуешься, разве не так? Но неважно. Давай, выкладывай свою историю.

- Это про моряка, мама. Вернее про парня, который хотел стать моряком с детства и который думал только о море. Порт, в котором он жил, процветал и с каждым годом становился все больше. Много кораблей приходило и уходило из него. Однажды он спросил себя: почему я сижу здесь? Что лежит за этой полоской голубого моря? И там, дальше, и еще дальше? Он стал моряком и объездил весь свет.

- Он не женился? - спросила Масита.

- Ну, эта проблема тоже занимала его мысли. Он встречал много красивых девушек в каждом порту. Если бы ты была мужчиной, мама, могла бы ты это себе представить? Сотни красивых девушек

в сотнях иностранных портов. Если бы ты была мужчиной, мама, могла бы ты выбрать?

- В конце концов он женился на иностранке? - предположила Масита.

- Ты не угадала, мама!

- Да? Я рада, если так.

- В своем маленьком родном порту он встретил девушку. Она была молода, жизнерадостна и с чистыми, как у кролика, глазами. Наверное, он питал к ней настоящую любовь. Ты знаешь, что случилось потом, мама? Моряк оставил свои путешествия в заморские страны и вернулся в свой родной порт. Кажется, его чувства разделяли.

- Кто?

- Конечно, та девушка. Она затосковала сразу же, как только он уехал. Она часто приходила в порт, надеясь, что моряк вернется домой. День, которого она так ждала, наконец-то наступил. Моряк возвратился домой, чтобы встретить свою любовь. А девушка встретила своего моряка. Они плакали в порту, не скрывая слез, не стесняясь окружающих их людей. В конце концов они поженились...

- Мама, завтрак готов, - позвала Сами из кухни. Масита вновь вернулась к действительности, и веник выпал из ее рук. Через несколько минут Будин вышел из комнаты и посмотрел на Маситу.

- Говорят, завтрак готов, Мас, - сказал он.

- Ты иди, - ответила Масита. - Я забыла кое-что у колодца.

Масита прислонила веник к стене, подошла к двери и, не глядя на Будина, направилась прямо к колодцу. (Ты на самом деле забыла что-то у колодца, Мас? - услышала она вопрос в своем сердце.)

Когда Масита шла к колодцу, она слышала, как Суми подшучивала над Джали. Затем она услышала, как Джали хвастался своими достижениями. Семья, сказал он, тоже должна гордиться его успехами.

Масита и Будин давно знали, что Джали очень одаренный. Восторженные отзывы учителей (о которых Будин сообщал Масите) и их настоятельные рекомендации отправить Джали за границу обучаться электронике лишь укрепляли их уверенность в его способностях. "Он совсем не такой, как Суми и Салми", - подумала Масита.

Она вспомнила, как упорно добивался ее муж, чтобы Джали

послал за границу. Но стипендия представляла проблему, которую, казалось, было трудно решить. Это, как заметила Масита, часто приводило мужа в уныние. И Джали тоже. Тогда Будин утешал Джали:

- Божьей милостью когда-нибудь наша мечта осуществится.

Дойдя до колодца, Масита осмотрелась вокруг, точно спрашивая себя, действительно ли она забыла здесь что-то. После тщательных поисков она убедилась, что у колодца ничего не забыла.

Масита всматривалась в чистую зеленую поверхность воды. Ее лицо отражалось на спокойной глади. Но, ощущая душевное волнение и напряженность своего лица, Масита знала, что так же волнуется и вода под спокойной поверхностью.

Лист с близстоящего дерева нангки упал вниз и коснулся воды. Изображение искривилось. Масита посмотрела вверх на дерево нангка, которое стало теперь большим и высоким. Неужели это то самое дерево, которое она и Будин посадили вскоре после рождения Джали? Масите вспомнилось прошлое. А дерево саво, посаженное после рождения Суми? Оно сейчас тоже высокое и густое. И когда она носила в себе Салми, она жадно поглощала его молодые, еще незрелые плоды.

- Мне нравится их горьковатый привкус. Да и в любом случае, если их оставить доспевать, их съедят летучие лисицы, - говорила она Будину.

Слух Маситы уловил гул самолета. Когда она посмотрела вверх, то увидела сотни самолетов, летящих в сторону южного острова. Самолеты были похожи на серебристо-белых журавлей. Резкий звук заставил Маситу закрыть уши. И в этот момент мужчина подкрался к ней и обхватил ее тело. Масита не знала, как долго она здесь находилась.

- Пусти меня, - вскрикнула Масита.

- Что с тобой, Мас?

Масита крепко прижалась к Будину. Суми и Салми наблюдали за ними. Затем Масита отстранилась от мужа. Она тяжело вздохнула и бросила взгляд на взлетную полосу. Она увидела не сотни "журавлей", а один единственный самолет, разгонявшийся на взлет.

- Все в порядке, мама, - утешала ее Салми. Пять лет не такой уж

большой срок. Джали покинул нас с твоего благословения. Все будет хорошо. Токио не очень далеко от нас.

Масита медленно вытерла слезы. - Пять лет. Токио. Джали. Реальность, с которой я должна примириться, - подумала Масита.

Суми держала руку матери, а Салми гладила ее волосы. Левою рукой Будин обнял ее за талию. Они не отрывали взгляд от самолета, который повис в воздухе, оторвавшись от взлетной полосы. Самолет летел на север. Вот он стал уменьшаться. Становился все меньше, меньше и совсем исчез.

Масита все смотрела в небо, на север. Взгляды остальных тоже были прикованы к небу. Масита медленно сложила руки благоговейным жестом и стала молиться. Она тихо шептала молитву. Тихо. Только для себя.

- О, Боже, самолет уносит моего сына, и я освобождаюсь от бремени, которое носила со времен войны. Я благодарна тебе за то, что ты давал мне силы все эти годы сохранить мою тайну и противостоять бушующей войне в моем сердце. При твоём благословении я создала счастливый дом. Но через пять лет он вернется. И если с твоего божественного благословения я доживу до этого дня, я молю тебя только об одном, дай мне силы, которые ты давал мне до этого. Аминь.

*Перевод с малайского
В.А. ПОГАДАЕВА*

¹ Национальный писатель (Sasterawan Negara) - высшее звание, присваиваемое литераторам Малайзии с 1981. Ими являются Керис Мас (1981), Шахнон Ахмад (1982), Усман Аванг (1983), Абдул Самад Саид (1986), Арена Вати (1988), Мухаммад Хаджи Саллах (1991), Нордин Хассан (1993), Абдуллах Хуссейн (1996), Осман Келантан (2004). Анвар Ридван стал десятым литератором, получившим это звание.

² Naratif Ogonshoto: Catatan pada birai halaman. "Berita Harian", 17.01.2002.